

Научная статья

УДК 740

DOI: <https://doi.org/10.29039/2949-1258/2024-4/185-195>

EDN: <https://elibrary.ru/LVKXQS>

Жизнеописание Будды Гаутамы как символический путь индивидуации с позиции аналитической психологии К.Г. Юнга

Окулова Мария Аркадьевна

ФГБУ «Земля леопарда»

Владивосток. Россия

***Аннотация.** Поиск точек соприкосновения культуры Запада и Востока – одна из важных задач современного мира. Не последнюю роль в ее решении играет психология, осмысляющая значимые культурные паттерны с точки зрения процессов психики, единых для всех людей. Аналитическая психология, созданная Карлом Густавом Юнгом в первой половине XX в., представила свое осмысление мифов различных цивилизаций в контексте основных вех развития личности главного героя. По мнению последователей Юнга, многие из мифологических и исторических героев проходят особый путь индивидуации, который условно можно назвать постепенным объединением сознания и бессознательного. В процессе этого пути герой проходит через ключевые точки жизненного роста, встречая архетипы – единые для всего человечества матрицы универсальных образов, врожденные программы, влияющие на восприятие и развитие индивида. Конечной вехой пути индивидуации выступает Самость – центральный архетип, знаменующий высшую точку развития личности. Последователями аналитической школы психологии достаточно полно были проанализированы основные вехи жизни героев западного мира, в то время как биографии восточного эпоса были изучены меньше. Вместе с тем Юнг отмечал, что путь индивидуации представлен в жизнеописании Будды Гаутамы. Используя доступные источники, автор статьи предпринял попытку вычлнить ключевые точки жизни Будды, чтобы наглядно доказать предположение знаменитого психолога. Проведен краткий анализ основных вех жизни Будды Гаутамы методом аналитической психологии, в результате чего была прослежена последовательная цепочка знакомства с архетипами на пути становления Самости. Новизна исследования представлена в его уникальности: последовательный анализ жизнеописания Будды Гаутамы в контексте аналитической психологии прежде в российской научной литературе не публиковался.*

***Ключевые слова:** Карл Юнг, Будда, Самость, индивидуация, архетип, восток, буддизм, Иисус, миф.*

***Для цитирования:** Окулова М.А. Жизнеописание Будды Гаутамы как символический путь индивидуации с позиции аналитической психологии К.Г. Юнга // Территория новых возможностей. Вестник Владивостокского государственного университета. 2024. Т. 16, № 4. С. 185–195. DOI: <https://doi.org/10.29039/2949-1258/2024-4/185-195>. EDN: <https://elibrary.ru/LVKXQS>*

Humanities sciences

Original article

Biography of Buddha Gautama as a symbolic path of individuation in the context of analytical psychology by Carl Jung**Maria A. Okulova**

FSBI Land of the leopard

Vladivostok, Russia

Abstract. *One of the important tasks of the modern world is to find common ground between the Western and Eastern cultures. Psychology plays an important role there, since it comprehends significant cultural patterns from the point of view of mental processes that are common to all people. Analytical psychology, created by Carl Gustav Jung in the first half of the 20th century, presented its understanding of the myths of various civilizations in the context of the main milestones in the development of the protagonist's personality. According to Jung's followers, many of the mythological and historical heroes go through a special path of individuation, which can roughly be called the gradual unification of consciousness and the unconscious. During this path, the hero passes through key points of life growth, meeting archetypes, which represent matrices of universal images common to all humanity, innate programs that influence the perception and development of the individual. The final milestone on the path of individuation is the Self, the central archetype that marks the highest point of personal development. Followers of the analytical school of psychology quite fully analyzed the main milestones in the lives of the heroes of the Western world, while the biographies of the Eastern epic were studied less. At the same time, Jung himself noted that the path of individuation is also presented in the biography of Buddha Gautama. Using available sources, the author of this article has attempted to identify the key points in the life of the Buddha in order to clearly prove the assumption of the famous psychologist. The work contains a brief analysis of the main milestones in the life of Buddha Gautama using the method of analytical psychology, as a result of which a consistent chain of archetypes' recognition on the path of formation of the Self was traced. The novelty of the study is represented in its uniqueness: a consistent analysis of the biography of Gautama Buddha in the context of analytical psychology has not previously been published in Russian scientific literature.*

Keywords: *Carl Jung, Buddha, Self, individuation, archetype, east, Buddhism, Jesus, myth.*

For citation: *Okulova M.A. Biography of Buddha Gautama as a symbolic path of individuation in the context of analytical psychology by Carl Jung // The Territory of New Opportunities. The Herald of Vladivostok State University. 2024. Vol. 16. № 4. P. 185–195. DOI: <https://doi.org/10.29039/2949-1258/2024-4/185-195>. EDN: <https://elibrary.ru/LVKXQS>*

Введение

Поворот на Восток – стратегия современной России, которая проявляет себя далеко не только в экономике. Уже более двух столетий развитие сотрудничества с восточным миром ведется совместно с активным изучением его культуры. В настоящее время на фоне укрепления экономического и политического партнерства стремление найти общие точки соприкосновения в культурной жизни приобретает особую значимость.

В основе любой культуры находится религиозная составляющая, в связи с чем большого внимания заслуживает проблема религиозного диалога. И если для представителей монотеистических религий, таких как христианство и ислам, база для взаимопонимания дана в вере в Единого Бога, то сложнее дело обстоит с диалогом между религиями, у которых эта общность отсутствует. В частности, речь идет о буддизме, одной из трех мировых религий, учение которой не сосредоточено вокруг концепции единого божества.

Вместе с тем, несмотря на существенное различие в верованиях, при первом знакомстве с буддизмом в Азии христианские миссионеры отмечали их схожесть [1]. В первую очередь буддизм основывался на центральной роли основателя религии в ее внешнем культе. Вследствие этого у первых католиков, столкнувшихся с буддизмом, создалось впечатление, что Будда Гаутама обожествляется в этой религии точно так же, как Христос в христианстве. Удивление перед внешним сходством религий усилилось, когда европейцы познакомились с жизнеописанием основателя буддизма: по мнению многих, оно разительным образом совпадало с жизнеописанием Христа. Начиная с тех пор, не раз предпринимались попытки объяснить наличие сходных эпизодов в биографиях двух религиозных учителей. Подходы, цели и методы данных попыток были достаточно разнообразны, и среди всех прочих можно выделить такие подходы, как: собственно христианский, исторический, феноменологический и психологический.

Каждый из этих подходов дает объяснение наличию сходств в биографии Иисуса из Иерусалима и Будды Гаутамы исходя из своих оценок и целей. Христианский и исторический подходы в большинстве своем объясняют схожесть случайностью и намеренным стремлением увидеть в новом уже знакомое либо заимствованием. Однако феноменологический подход и в большей степени психологический основываются на допущении отсутствия заимствований и отличаются особым вниманием схожества человеческой психики вне зависимости от различий культуры. И именно на этом в большинстве своем основывается психологический метод в рассмотрении жизнеописаний героев мифов и духовных лидеров. Реалии современности, подталкивающие наше общество к поиску точек соприкосновения Запада и Востока, представляются хорошим поводом к тому, чтобы взять за основу именно психологический метод для изучения мифа и жизнеописания основателя религии. Такой подход предполагает равенство и близость столь далеких друг от друга культур за счет схожести психических процессов людей всего мира.

Родоначальником психологического метода интерпретации мифа, как и всего психоанализа, является Зигмунд Фрейд. Речь идет о всем известном греческом мифе об Эдипе. Но если сам Фрейд не пошел дальше в области психологической интерпретации мифов, то его ученики и последователи занялись этим достаточно серьезно. Наибольшую известность в данном направлении приобрел Карл Юнг. Будучи основателем аналитической психологии, Юнг рассматривал судьбы ряда героев мифов и основателей религий как представление о совершенном пути развития.

В данном случае речь идет о таком центральном для аналитической психологии понятии, как индивидуация. Юнг использовал «выражение "индивидуация" для обозначения того процесса, который производит психологическую "индивидуальность", то есть обособленную неделимую единицу, целостность» [2]. При этом конечная цель индивидуации – Самость. Самость является центральным архетипом в учении Юнга; представляет собой высшее слияние сознательного и бессознательного в индивиде. Под архетипом, если говорить упрощенно, Юнг понимает инстинкты, проявляющие себя в фантазиях и часто обнаруживающих своё присутствие посредством символических образов. Являясь структурными элементами не личного, а коллективного бессознательного, архетипы, согласно наблюдениям Юнга, не имеют определённого происхождения, воспроизводя себя в любое время и любой части света [3]. Именно это воспроизведение, с точки зрения Юнга, и дает объяснение синхроничности в мифах о герое.

Проявление пути индивидуации психолог наблюдал во многих древних мифах, однако наиболее полным выражением этой идеи в западном мире, по его мнению, стала

история жизни Христа. Таким образом, основной посылкой Юнга при рассмотрении мифов в целом и жизнеописания Христа в частности является представление о том, что это в первую очередь символ. Только при таком условии, как считает Юнг, могла быть возможной популярность и долгая жизнь мифа. Психолог предполагал, что Будда, как и Христос, представляет собой архетип Самости, а значит, также проходит путь индивидуации, который можно проследить в легенде о его жизни [2]. Однако Юнг не останавливался на разборе жизнеописания Будды так же подробно, как это было сделано с историей Иисуса. Насколько нам известно, ни один из его последователей не имел цели последовательно и наглядно доказать данную точку зрения.

На основании вышесказанного гипотеза данной работы заключается в существовании достаточно четкой структуры в мифологическом жизнеописании Сиддхартхи Гаутамы, которую можно рассматривать как путь индивидуации Будды. В связи с этим в качестве основных задач автор данного исследования ставит перед собой психологическую интерпретацию основных вех биографии Будды Гаутамы в контексте аналитической психологии К. Юнга.

Анализ биографии Будды при помощи метода аналитической психологии

Как уже было сказано, проявление пути индивидуации Карл Густав Юнг наблюдал во многих древних мифах, однако наиболее полным выражением этой идеи в западном мире, по его мнению, стала история жизни Христа [3]. В связи с этим описание жизни Будды Гаутамы в контексте аналитической психологии неминуемо будет сопровождаться отсылками к жизнеописанию христианского мессии.

Остановимся на основных моментах биографии Сиддхартхи Гаутамы, давая им юнгианскую трактовку. Первым эпизодом, на котором мы остановим свое внимание, будет сон матери Сиддхартхи – Майи. То, что рождению великих личностей, героев по мифам предшествовал удивительный сон, отмечал еще психолог Отто Ранк [4]. В данном случае мы выделим два наиболее специфических условия для рождения героя, которые можно найти в жизнеописании многих героев: необходимость чистоты матери перед принятием в себя того, кто проявит себя позднее как Самость, а также нематериальность процесса зачатия. Большая часть сна Майи была посвящена процессу очищения. По буддийскому мифу, четыре бога вначале перенесли ее вместе с ложем на Гималаи, а затем появились их супруги, которые в свою очередь поднесли Майю к священному озеру Анотата, чтобы очистить ее от человеческой грязи, одели в небесные одежды, побрызгали благовониями и осыпали небесными цветами [5].

В данном случае можно кратко указать, что символическими в данном случае являются и число богов, так как четверка, по мнению Юнга, выражает собой высшую целостность, и образ горы, который может трактоваться и как ось мира, и как мужской символ, с которым необходимо соединиться Майе перед зачатием [5]. На мускулиность данного образа указывает то, что на Гималаи мать Будды попадает с помощью богов-мужчин, тогда как к озеру ее подносят уже богини. Образ озера может иметь в данном случае несколько трактовок: это символ женского начала, как необходимое дополнение к образу горы, так и символ бессознательного. Примечательно, что в его водах Майю моют. По нашему мнению, это хорошо коррелирует со словами Юнга о том, что высшей сознательностью для восточного человека является бессознательное. Представляя собой архетип матери, с точки зрения Юнга, Майя, будучи верной своему архетипу, – одновременно и источник жизни, и обитель смерти и разрушения. Юнг определяет это противоречие, давая ему название «любящая

и ужасная мать». Так, по его словам, обратная сторона этого архетипа «подразумевает все тайное, скрытое, темное; бездну и царство мертвых; все, что пожирает, обольщает, отравляет; все, что ужасно и неизбежно, как судьба» [2]. Так, по мнению психолога, одним из ярчайших архетипов матери мы находим в деве Марии, тогда как Майя является ее восточным аналогом [2]. Косвенное подтверждение наличия темной стороны архетипа матери в данном случае можно найти в имени матери Будды, так как Майя переводится с санскрита как «иллюзия», «фантом», «магический трюк» [6].

Однако, рассматривая момент зачатия Будды, нам кажется правильным остановиться на его «земной родословной», которая, по нашему мнению, оказала влияние на всю его последующую жизнь. Речь идет о его принадлежности к варне кшатриев – воинов, которые согласно древнеиндийскому мифу о творении были созданы из рук первочеловека – бога с целью защитить высшую варну брахманов, которые, в свою очередь, были созданы из головы. Кшатриями в индийском обществе являются как обычные воины, так и цари, обязанность которых – управление материальной жизнью подчиненных, тогда как брахманы управляют ее духовной стороной. Согласно традиционным индийским воззрениям только переродившийся брахман способен дойти до наивысшей духовной реализации, а основной задачей представителей остальных варн является служение этому сословию. Таким образом, изначально (по традиции) Сиддхартха Гаутама, если допустить легенду о его царском происхождении, мог и должен был стать царем. Именно поэтому, думается, большинство из мудрецов, призванных Шуддходаном после чудесного сна Майи, сообщили ему о скором рождении всемирного владыки и только несколько (а по некоторым текстам лишь один) были уверены в том, что сон свидетельствует о появлении на свет Будды, спасителя человечества.

У Будды до момента его просветления всегда сохранялась подсознательная тяга к пути, который предлагала ему традиция и который он выбирал не сам. С учетом того, что при следовании проторенным путем, с точки зрения Юнга, Самость не может раскрыть себя в полной мере, нам кажется возможным назвать стремление к материальной власти у Будды теневой стороной его бессознательного [7]. Таким образом, по нашему мнению, образ его родителей с самого начала можно символически интерпретировать как внешнее и внутреннее препятствие в прохождении пути индивидуации, которое, будучи компонентом этого пути, с психологической точки зрения является его необходимым условием. Так, несмотря на свою принадлежность к варне кшатриев, Майя возносится богами на небо, и мы позволим себе допустить еще одно предположение: боги в данном случае выступают в роли защитников Самости, которая является целью жизни Будды.

Попытаемся представить психоаналитическую трактовку рождения Гаутамы. В первую очередь остановимся на том, что появление на свет Сиддхартхи, как и Иисуса, произошло вне родного дома. В контексте истории о Будде это может свидетельствовать о необходимости оставить дворец как косвенный символ материальной власти в момент появления на свет, чтобы на протяжении будущей жизни не иметь идентификации с одним из возможных предназначений. Акцентируя внимание на том, что рождение Будды произошло под открытым небом, можно вспомнить слова Э. Эдингера, утверждавшего, что «в этом мире не существует отдельной комнаты для рождения Самости. Оно должно произойти во внешнем мире, ибо является исключением, отклонением от норм или даже преступлением по отношению к установившемуся статус-кво» [7]. Кроме того, можно отметить символ, в данном случае

отличающий буддийский миф: речь идет о дереве, под которым произошло рождение Будды. По мнению некоторых психологов аналитической школы, дерево является одним из символов «трансформации-перехода», своеобразными «вратами», «порогом», прохождение которого говорит о переходе на новые пути духовного развития [8]. Можно вспомнить, что многие особо значимые эпизоды жизни Сиддхартхи происходили именно под деревом: рождение, первый духовный опыт детства, просветление и земная смерть. Согласно этому символ дерева несет на себе ту же смысловую нагрузку, что и символ горы, из чего следует, что под ним понимается место для перехода с земного плана на небесный или, наоборот, место, куда спускается божество. Подобная трактовка символа берет свое начало в мифах о мировом древе или мировой горе, аналогами которой в индийской мифологии являются фиговое Ашваттха и гора Меру. В образе мирового древа Юнг видел схему человеческого мышления: истоки бессознательного, которые отображаются в виде корней дерева, уходящих под землю, в потусторонний мир; реализацию сознательного – в стволе; транссознательную цель – в кроне [8]. Таким образом, факт рождения Будды под деревом мог символизировать собой совмещение противоположностей, что необходимо для пути индивидуации.

С точки зрения Э. Эдингера, достаточно часто «рождение героя или божественного младенца сопровождается угрозами для его жизни» [7]. На первый взгляд мы не находим такой угрозы для Сиддхартхи в годы его детства. Однако все меняется, если исходить из того, что герой символизирует собой будущую Самость. После того, как Шуддходан узнал о вероятности, что его сын станет не мировым владыкой, а Буддой, он, по сути, заточил его в стены дворца, тем самым ограничив его познание мира, без которого невозможно познание себя, а значит, невозможно и становление Самости. Это, по нашему мнению, в данном случае равноценно угрозе физической смерти, так как основное в мифе для героя – это его проявление Самости, а здесь оно было под угрозой. Тем более примечательным становится то, что от участи стать мировым владыкой, а не Буддой, Сиддхартху спасли боги, что вновь доказывает для нас их символический образ помощников Самости.

Напомним, что согласно легенде, первая попытка показать Гаутаме «настоящую жизнь» произошла, когда ему было семь лет. Тогда боги отвели его подальше от дворца и подстроили все так, чтобы он впервые увидел смерть живых существ [5]. Следующее знакомство Сиддхартхи с реалиями жизни произошло при знаменитых четырех встречах: со стариком, больным, мертвецом и аскетом. Эти встречи, по одной из версий легенды, произошли при непосредственном участии богов, один из которых и сыграл все четыре роли при встрече с Буддой [5]. Таким образом боги способствовали прохождению Буддой пути индивидуации.

Следующим эпизодом после четырех встреч мы выделим уход Гаутамы из дома с целью обрести просветление. Согласно тексту «Джатака тхакатхе» боги поняли, что Сиддхартха уже готов к тому, чтобы покинуть дом. Им уже был известен день, когда это совершится, и потому они вновь спустились с небес, чтобы подготовить Будду к странствиям. Для этого они приняли обличье слуг, которые помогали ему вытираться после купания, переодевали его и надевали на него украшения [9].

По одному из текстов, Шуддходану приснился сон, в котором его сын покинул его, а потому, опасаясь тайного побега, он приказал слугам установить на городских вратах железные двери, а к дверям прикрепить очень громкие колокольчики, звон

которых при открытии двери был бы слышен за несколько километров. Однако в ночь побега боги наслали на весь город крепкий сон, чтобы никто ничего не услышал. В этом мы вновь видим противостояние двух начал, которые разрывали Будду до момента его просветления: воля консервативной традиции и Самости, знаменующей собой рождение нового.

Уже после того, как Сиддхартха вышел за стены родного города с помощью богов, к нему подступил демон Мара, предложивший Гаутаме стать господином мира уже через семь дней, если только тот вернется во дворец [5]. Демон Мара в данном случае может пониматься как проекция темной стороны бессознательного во вне, а его предложение – как потенциальная возможность впасть в инфляцию, при которой почести Самости отдаются земной власти. Это свидетельствует о внутренних сомнениях Сиддхартхи в выбранном пути, но, будучи проявленными таким образом, сомнения отменяются Гаутамой, а потому он отвечает, что материальная власть над царствами ему не нужна.

Кроме того, стремление к духовной самостоятельности, которое согласно Юнгу является новой вехой в истории развития коллективного бессознательного, проявилось у Будды и в том, что, выйдя за стены своего города, он отказался от помощи богов. В юнгианской интерпретации это может свидетельствовать о полном отказе рассматривать божество как проявление Самости и о понимании того, что достичь ее можно, не ориентируясь на нечто внешнее. Рассматривая более мелкие символы ухода от старой жизни, можно выделить вновь переоблачение Сиддхартхи в монашескую одежду и пострижение волос, что означает перемену статуса; это проходит каждый буддийский монах. Кроме того, по некоторым текстам, покинув стены города, Будда проходит реку. Согласно интерпретации психоаналитической школы символ реки или моря в мифах, тем более их переход, говорит о перемене онтологического состояния [10]. Вследствие этого можно выделить следующий важный в своем символическом значении эпизод жизни Будды – период аскезы. Интересно, что так же, как и в пути Иисуса, он последовал вслед за периодом ученичества. Существует достаточно много описаний, каким именно образом Будда шел по пути умерщвления плоти. Они включают в себя ограничения в дыхании, пище, предельное равнодушие ко всем раздражителям. В этом периоде, на наш взгляд, можно увидеть проявление аутоагрессии, которое вызвано принятием темной стороны своего бессознательного. В то же время можно заметить, что с психологической точки зрения данный период все же был необходим как в процессе постижения знания, которое позже открылось Будде, так и в процессе индивидуации. Так, одно из положений буддизма заключается в том, что перед тем, как следовать «средним путем», человек должен пройти через крайности. В частности, перед ритуалом посвящения в монахи буддист читает ритуальную формулу «тачапаньчака», в которой говорится о брэнности человеческого тела, тем самым в краткой форме переживая этот период пути Будды [11]. Кроме того, слова о необходимости крайностей также отражают положение аналитической психологии, по которому необходимо познать и принять теневую сторону своей психики, для того чтобы выйти на новый уровень развития [2].

Однако тщетность пути крайнего аскетизма в деле непосредственного просветления была осознана Сиддхартхой не только умственно, но и физически – на уровне тела. Легенда сообщает, что Буддой в то время были потеряны тридцать два признака великого человека, после чего Гаутама упал в обморок, а боги решили, что он умер. Далее говорится о том, что слух о кончине сына достигает на небесах Майу и она начала рыдать, что и разбудило Гаутаму. Только после того, как они узнают друг друга, Будда решает прекратить пост и добиться просветления иначе. На наш взгляд, в данном

отрывке можно увидеть символическую смерть, которая необходима для обновленной жизни. Это соответствует классическому обряду инициации, в котором юноша перед вступлением во взрослую жизнь должен пройти через символическое умирание, свидетельствующее об освобождении от старого [12]. Будда ясно доказал свою победу над внешними авторитетами для своей Самости, в том числе и над авторитетом своей теневой стороны.

Процесс становления Самости Будды в его просветлении описывается буддийской традицией изнутри и достаточно полно. Этот процесс состоял из нескольких фаз погружения в медитативный транс [5]. На наш взгляд, пусть и не полностью, но в некоторых деталях содержание просветления символически отображает собой путь индивидуации, заключающийся в интегрировании бессознательного своим эго [2]. Иначе это можно назвать познанием бессознательного, и, как можно понять, становление Самости Будды свидетельствует о том, что согласно символическому пониманию легенды Будда осознал свое бессознательное. Результатом процесса просветления стало формулирование основного постулата буддизма – четырех благородных истин.

Подходя к рассмотрению четырех благородных истин с позиции аналитической психологии, по нашему мнению, в первую очередь стоит сказать, что это учение отражает путь, пройденный Гаутамой до просветления. Так, вначале он понял, что жизнь является страданием. Интуитивное постижение этой первой благородной истины произошло еще во дворце, после четырех встреч: со стариком, больным, мертвецом и аскетом. Тогда же было возможно и интуитивное осознание причины страданий как желания, которое он, несомненно, ощущал сам и в котором, как уже упоминалось, находила проявление темная сторона его психики. Третья благородная истина возвещает о том, что прекращение страданий возможно. В данном случае перед нами предстает дихотомия темного начала бессознательного и сознательного эго, которое все же проявляет свое главенство в возможности ухода от контроля бессознательного начала, влекущего к желаниям и, как следствие, к страданиям. Сиддхартха должен был необходимым образом пройти через эту борьбу противоположных начал, для того чтобы в итоге обрести гармонию, которая является основой архетипа Самости [13]. Как уже было сказано выше, сомнения и неуверенность в своем пути подстерегали его всюду вплоть до момента просветления. Однако если сам Будда шел по этому пути в одиночку и, говоря метафорически, «на ощупь», то для своих будущих учеников он оставил достаточно подробное руководство, которое дошло до нас под названием восьмеричного пути.

Мы не будем подробно останавливаться на событиях жизни Будды после просветления, так как чаще всего в биографиях описываются многочисленные проповеди, путешествия и совершаемые им чудеса, среди которых нет настолько известных и значимых, как те, что были до просветления Сиддхартхи. Моментом жизни Будды, на который можно было бы обратить внимание при трактовке методом аналитической психологии, на наш взгляд, является его противостояние со своим шурином Девадаттой. Однако правильнее было бы говорить о противостоянии со стороны Девадатты по отношению к Будде, так как сам Гаутама, согласно легенде, не проявлял по отношению к шурина никаких агрессивных действий.

Для нас в данном случае важно именно то, что становление Самости Будды, как и в случае Христа, не противоречит наличию Тени, которая проявляет себя уже

позже. Исходя из вышесказанного, нетрудно догадаться о нашей трактовке образа Девадатты как теневой стороны Самости Будды. Согласно жизнеописаниям Сиддхартхи его шурином особенно отличался стремлением к власти, что проявлялось в его упорных занятиях магией [5]. В итоге Девадатта стал известен как сильный колдун, у которого было достаточно почитателей. При этом Девадатта состоял в ордена Будды и ему не давала покоя власть, которой обладал Сиддхартха. В данном случае перед нами отчетливо проявляет себя обратная сторона качеств, которые стали присущи Будде после просветления. Так, легенды не раз упоминают о его феноменальных способностях вроде умения предсказывать будущее, обозревать своим оком всю землю, летать и многом другом. Однако если у Будды эти способности стали только показателями его пробуждения, то для Девадатты они являлись самоцелью. В этом мы вновь можем увидеть отсутствие умения распознавать Самость, которое стало угрозой раскола монашеского ордена еще при жизни Будды. Но в итоге ученики, вначале соблазненные «внешними умениями» Девадатты, все же вернулись к Будде. Легенда часто объясняет силой его персоны, которая могла притягивать людей на неосознаваемом уровне.

Таким образом, признаками, характерными для темной стороны Самости Будды, являются: стремление к власти, гордость сверхъестественными способностями и заостренное внимание на внешней стороне своего образа. Заметим, что нередко в современном мире можно увидеть такое понимание буддизма, при котором Будда оказывается полубогом, наделенным сверхъестественными способностями, которому нужно принести молитвы, для того чтобы обрести успех в своих материальных делах. По нашему мнению, в этом может проявлять себя превратное понимание Самости, а именно акцент на ее темной стороне, которая в биографии Будды особенно ярко проявила себя в образе Девадатты.

Последним эпизодом биографии Будды, на котором мы остановим свое внимание, будет его уход из земной жизни в нирвану. Несмотря на то, что выше высказывалось предположение, по которому просветление Будды было становлением его Самости, здесь можно сказать о том, что при своей смерти Будда окончательно слился с архетипом. Трудно иметь статус всеобщего при сохранении чего-то индивидуального. Несмотря на то, что «Я» Будды после просветления уже не было индивидуальным «Я», у него оставалось тело, существование которого говорило о наличии «мыслимого архетипа». По нашему мнению, в данном случае можно говорить о двух основных «ступенях становления Самости», первая из которых произошла на духовном уровне, а вторая – на материальном.

Необходимо отметить, что в текстах, посвященных биографии Будды, нередко можно встретить слова об «окончательном вхождении в нирвану», так как Сиддхартха познал нирвану в момент своего просветления, но полный уход в нее совершился при его земной кончине [9]. С нашей точки зрения, это вполне соответствует познанию Буддой своей Самости и полному слиянию с архетипом при смерти тела.

Слова, которые согласно одному из текстов Будда произнес непосредственно перед смертью отражают основную суть восточного подхода к духовному и, в частности, новаторство, привнесенное буддизмом. Так, Пробужденный заповедовал «быть светильниками самим себе», что свидетельствует об источнике божественного, находящегося в самом человеке [5]. Как уже говорилось выше, с позиции аналитического направления психологии это указывает на осознание Буддой истины, согласно которой архетипы пребывают в каждом, и цель человека – пройти свой путь

индивидуации, который раскроет его личную неповторимость и в некотором смысле – божественность.

Заключение

С момента знакомства христиан с буддизмом многие исследователи предпринимали попытки разобраться в причинах схожести биографий Иисуса Христа и Будды Гаутамы. Выдвигалось немало самых разнообразных версий, однако наиболее заслуживающей доверия нам показалась версия Карла Густава Юнга, согласно которой причина схожести жизнеописаний обусловлена наличием в них архетипов, общих для всего человечества [2]. И, несмотря на то, что сам Юнг не останавливался на рассмотрении непосредственно жизни Будды, а упомянутая версия косвенно вытекает из его учения, мы предприняли попытку показать схожесть жизненных путей Иисуса и Будды исходя из слов психолога, согласно которым Будда, так же как и Христос, символически представляет собой архетип Самости [14].

По нашему мнению, после того, как мы совершили краткий анализ основных вех жизни Будды Гаутамы методом аналитической психологии и нашли ключевые моменты жизнеописания, схожие по описанию с основными вехами классического пути индивидуации, поставленная цель данной работы была достигнута. Так, в жизнеописании Будды Гаутамы нами была прослежена цепочка эпизодов жизни: рождение, избрание своего пути, период аскетизма и, если использовать язык аналитической психологии, – эпизод становления Самости, которые свойственны для ряда известных мифологических жизнеописаний. Отметим, что зачастую сходные эпизоды жизни основателей религий содержат в себе похожую символику и несут в себе один смысл. Все это дает нам право утверждать, что жизнь Будды можно назвать символическим путем индивидуации, если подходить к рассмотрению его жизнеописания с позиции аналитической психологии.

Список источников

1. Уланов М.С. Евразийство, православие и буддизм. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/evraziystvo-pravoslavie-i-buddizm>
2. Юнг К.Г. Аналитическая психология. Прошлое и настоящее. Москва: Мартис, 1995.
3. Юнг К.Г. Курс лекций «Психология и религия». URL: <https://gtmarket.ru/library/basis/4229/4233>
4. Ранк О. Миф о рождении героя. URL: <https://coollib.in/b/481364>
5. Армстронг К. Будда: пер. с англ. Москва: Альпина нон-фикшн, 2017.
6. Исаева Н.В. Майя / Институт философии РАН // Новая философская энциклопедия Москва: Мысль, 2010.
7. Эдвингер Э. Эго и архетип. Сознание и бессознательное в мифе, религии и культуре. URL: <https://www.litres.ru/book/edward-f-edinger/ego-i-arhetip-soznanie-i-bessoznatelnoe-v-mife-religii-i-70754029/>
8. Богданова А.Г. Образ дерева в юнгианском анализе. URL: https://www.b17.ru/article/obraz_dereva_v_yungianskom_analize/
9. Лалитавистара. Сутра о жизни Будды. Рождение: пер. с англ. Москва: Изд-во РРГУ, 2018.
10. Кусмидинова М.Х. Интерпретация образа реки в мифологии. URL: https://elar.urfu.ru/bitstream/10995/115681/1/978-5-7525-4009-7_063.pdf
11. Дядык Н.Г. Практики самопознания в буддизме и современное философское образование // Социум и власть. 2020. № 4.

12. Головкин А.В. Инициация как ритуальная практика. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/initsiatsiya-kak-ritualnaya-praktika>
13. Юнг К.Г. Феномен самости. Москва: АСТ, 2020.
14. Юнг К.Г. О психологии западных и восточных религий. Москва: АСТ, 2022.

References

1. Ulanov M.S. Eurasianism, Orthodoxy and Buddhism. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/evraziystvo-pravoslavie-i-buddizm>
2. Jung CG Analytical Psychology. Past and present. Moscow: Martis; 1995.
3. Jung CG Course of lectures "Psychology and Religion". URL: <https://gtmarket.ru/library/basis/4229/4233>
4. Rank O. Hero birth myth. URL: <https://coollib.in/b/481364>
5. Armstrong K. Buddha: trans. From English. Moscow: Alpina non-fiction; 2017.
6. Isaeva H.V. Maya / Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences. *New Philosophical Encyclopedia* Moscow: Thought; 2010.
7. Edinger E. Ego and archetype. Consciousness and the unconscious in myth, religion and culture. URL: <https://www.litres.ru/book/edward-f-edinger/ego-i-arhetip-soznanie-i-bessoznatelnoe-v-mife-religii-i-70754029/>
8. Bogdanova A.G. The image of a tree in Jungian analysis. URL: https://www.b17.ru/article/obraz_dereva_v_yungianskom_analize/
9. Lalitavistara. Sutra on Buddha's life. Birth: trans. From English. Moscow: Publishing House of the Russian State University for the Humanities; 2018.
10. Kusmidinova M.Kh. Interpretation of the image of the river in mythology. URL: https://elar.urfu.ru/bitstream/10995/115681/1/978-5-7525-4009-7_063.pdf
11. Uncle N.G. Practices of self-knowledge in Buddhism and modern philosophical education. *Society and power*. 2020; (4).
12. Golovko A.V. Initiation as a ritual practice. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/initsiatsiya-kak-ritualnaya-praktika>
13. Jung CG The phenomenon of selfhood. Moscow: AST; 2020.
14. Jung CG On the Psychology of Western and Eastern Religions. Moscow: AST; 2022.

Информация об авторе:

Окулова Мария Аркадьевна, зам. директора по экологическому просвещению и международному сотрудничеству, ФГБУ «Земля леопарда», г. Владивосток, marokula@gmail.com

DOI: <https://doi.org/10.29039/2949-1258/2024-4/185-195>

EDN: <https://elibrary.ru/LVKXQS>

Дата поступления:
15.07.2024

Одобрена после рецензирования:
19.07.2024

Принята к публикации:
15.10.2024